



РУССКАЯ  
ФАНТАСТИКА

РУССКАЯ  
ФАНТАСТИКА  
2015

---

ВАСИЛИЙ ГОЛОВACHEВ  
СТАНИСЛАВ ЛОГИНОВ  
ГЕННАДИЙ ПРАШКЕВИЧ  
АНДРЕЙ ДМИТРУК  
ЯРОСЛАВ ВЕРОВ  
МИЛОСЛАВ КНЯЗЕВ  
ЕЛЕНА ПЕРВУШИНА  
МАКСИМ ХОРСУН  
АЛЕКСАНДР ЗОЛОТЬКО  
НИКОЛАЙ КАЛИНИЧЕНКО  
НИНА ЦЮРУПА  
АНТОН ФАРБ  
МАЙК ГЕЛПРИН  
ДАРЬЯ ЗАРУБИНА  
НИКА БАТХЕН  
И ДРУГИЕ



РУССКАЯ  
ФАНТАСТИКА

---

2015



**ЭКСМО**

МОСКВА

2015

УДК 821.161.1-312.9  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
Р 89

Серийное оформление художника *Е. Савченко*

Серия основана в 2003 году

Составитель сборника *И. Минаков*

Иллюстрация на переплете *М. Петрова*

**Русская фантастика — 2015** : [фантастические повести и рассказы]. — Москва : Эксмо, 2015. — 896 с. — (Русская фантастика).

ISBN 978-5-699-77516-3

Шелковые цилиндры, степенные профессора, паровые машины, от-  
важные первооткрыватели неизведанного и... скелет реликтового ме-  
ханоида в вестибюле университета, и опасное путешествие к... Краю  
Корабля...

«Ожидаемое происходит гораздо реже, чем неожиданное», — подумал начальник Центра экспериментального космического оперирования генерал Зайцев, когда ему позвонил заместитель и доложил, что система дальнего космического обнаружения «Орёл» зафиксировала в поясе астероидов некий подозрительный объект...

Для восьмилетнего мальчика весь мир пока — дедовский дом посреди Комариной Пустоши. Но так хочется знать, что там, за границами этого мира. И есть ли там что-то...

Василий Головачев, Святослав Логинов, Геннадий Прашкевич, Андрей Дмитрук, Ярослав Веров, Максим Хорсун и другие в традиционном ежегодном сборнике «Русская фантастика»!

УДК 821.161.1-312.9  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Александр А., Арнев В., Бакулин В.,  
Батхен Н., Бачило А., Бочаров А., Венгловский В.,  
Вереснев И., Веров Я., Гелприн М., Гинзбург М.,  
Головачев В., Громов А., Гужвенко Д., Дмитрук А.,  
Жигарев С., Зарубина Д., Золотко А.,  
Калиниченко Н., Караванова Н., Каримова К.,  
Князев М., Крайнева А., Логинов С., Окулов В.,  
Первушина Е., Прашкевич Г., Сержин В.,  
Соколов Г., Стрельченко Т., Фарб А., Хорсун М.,  
Цюрупа Н., 2015

© Состав и оформление. ООО «Издательство  
«Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-77516-3

ЕЛЕНА ПЕРВУШИНА



# ОГНЕННЫЕ ДЕРЕВЬЯ

Работа врача — это управление химическими синапсами пациента во имя его блага!

*Лекция по нейрофизиологии*

**ЧАСТЬ ПЕРВАЯ**

## ЗАГОВОР ГОРМОНОВ

*Глава 1*

**МЕРТВЫЕ ЦВЕТЫ**

1



чем я думаю?

Оригинальный вопрос. Оригинальная манера плюхаться на стул без приглашения, грубо нарушая мое приятное уединение с куском бретонского яблочного пирога, и смотреть на меня глазами белька, над которым злодей-зверолов уже занес свою колотушку. Нет, я не претендую на какой-то запредельный комфорт: я прекрасно понимаю, что госпитальное кафе — это вовсе не шикарный ресторан, где твоё уединение бдительно оберегают метрдотель, официанты и цифры в счете. Я согласна на яркий свет, отражающийся от белых столов, кафельного пола и стойки из нержавеющей стали, на скрип ножек стульев по пресловутому кафелю, на кричаще-красные бумажные салфетки и крышки солонок и перочниц, на звон посуды с кухни, даже на крики: «Люди! У меня родился сын!» Но не согласна на такие вот

вторжения в мое личное пространство — пристальным взглядом темно-карих глаз, тонким носом (кончик подергивается, когда его обладатель говорит), мокрыми взъерошенными волосами, пахнущими псиной (или псиной пахнет от его кожаной куртки?), длинными беспокойными пальцами, барабанившими по столу. Может быть, в другое время и в другом месте я была бы довольна тем, что ко мне проявляют внимание особи противоположного пола и подходящего возраста, но здесь и сейчас — здесь и сейчас! — парень, ты попал.

— Ты думаешь, что я умею читать мысли, — отвечаю я.

Он отшатывается (опять этот противный визг ножек, скребущих по кафелю), но потом снова придвигается, заглядывает мне в глаза и спрашивает:

— А еще?

— Ты не знаешь, верить в это или нет. И не знаешь, чего больше боишься — того, что это окажется правдой, или того, что это обман. От волнения у тебя пересохло во рту, и ты очень хочешь курить. У тебя болит поясница и правое запястье. И ты очень хочешь, чтобы я тебя выслушала. Ну что, достаточно?

— Хм! Серьезно.

— При этом, заметь, к чтению твоих мыслей я еще и не приступала. Это просто наблюдения.

— Объясните, — просит он. — Пожалуйста.

Вот сволочь! Каким седьмым чутьем он вынюхал мою любимую мозоль? Дело в том, что если мне задают вопрос, я тут же начинаю искать на него ответ и не успокаиваюсь, пока не найду. Очень помогает в работе, но в личной жизни — это скорее обуза, чем достоинство (а медитация в кафе над бретонским пирогом — это, как ни крути, личная жизнь). Хорошо еще, он спросил меня о том, что я и так знаю.

Я отхлебываю кофе.

— Насчет «чтения мыслей» — это, можно сказать, шутка. Ты подошел прямо ко мне, сел без приглашения и спросил, о чем ты думаешь. Вряд ли это твой обычный способ знакомиться с девушками. Следовательно, ты знал, к кому подошел, навел справки обо мне. Следовательно, цель

твоего вопроса — не только привлечь мое внимание, но и проверить, действительно ли я умею читать мысли. Когда я тебе ответила, ты непроизвольно отстранился и твои глаза широко открылись, а зрачки расширились — естественно, ведь ты, как и большинство нормальных людей, боишься, что о твоих мыслях будет известно посторонним. Но ты тут же придвинулся обратно — следовательно, твой интерес сильнее, чем страх, и ты, вероятно, был бы разочарован, если бы оказалось, что я — обычный человек без сверхспособностей. Ты облизывал губы, и твоя левая рука все время тянулась к карману куртки. Карман не оттянут, скорее всего, у тебя там сигареты и зажигалка. Конечно, здесь есть риск ошибиться, и, возможно, там у тебя любимая статуэтка Будды, которому ты хочешь почесать темечко, чтобы успокоиться, но я поставила на сигареты и не ошиблась. Когда ты отодвигался от меня, ты поморщился и невольно схватился за поясницу. Кроме того, у тебя след от эластичного бинта на правом запястье, и ты явно бережешь правую руку. И наконец, я обращаюсь к тебе на ты, а ты ко мне — на вы, смотришь на меня снизу вверх. То есть ты добровольно признаешь, что твой ранг ниже моего. Для мужчин такое поведение нетипично. Следовательно, ты очень заинтересован в моем внимании. Вот и всё.

— Когда вы рассказываете это, Холмс, всё кажется таким простым и очевидным. — Он впервые улыбается. — Так вы умеете читать мысли по-настоящему?

— А вот эта информация попадает под защиту закона о неприкосновенности личной жизни, — эту фразу я выучила назубок еще в школе. — Тем более что сейчас мой перерыв закончился, и мне пора на работу. А всё, что происходит у меня на работе — тоже конфиденциальная информация, и она защищена от разглашения.

Я засовываю в рот остатки пирога, встаю из-за столика, и тут он хватает меня за рукав.

— Простите, но мне действительно нужна ваша помощь. Мне... и еще одному человеку... очень хорошему человеку. И, к сожалению, я не знаю никого, кроме вас, кто мог бы помочь нам.

Ее зовут Лиза. Она сидит на краешке кровати, одетая в веселую ночную рубашку с розочками и медвежатами, раскачивается и поет:

Как в толпе его найдем,  
Моего дружка?  
Плащ паломника на нем,  
А в руке клюка.

Я услышала ее голос в передней, когда у меня еще были завязаны глаза. Чистый женский голос, бархатистое контраalto — не профессиональное, но очень чувственное. Тем разительнее был контраст с детской ночнушкой, с длинными, наполовину обесцвеченными, наполовину пепельно-серыми, волосами и с таким же пепельно-серым осунувшимся лицом. Кажется, что вся душа этой женщины, всё, что одушевляло ее, ушло в голос и теперь с голосом уходит в воздух, в никуда. В первый момент я даже разозлилась и шикнула на Максима:

— Вы что, нормальной одежды подобрать не могли? Если она больна, это не повод ее унижать.

Но он только покачал головой и сказал:

— Ее любимая рубашка. Еще до всего.

Потом мягко тронул женщину за плечо:

— Лиза, смотри, я привел доктора.

Она повела головой — в его сторону, не в мою, и не сказать, чтобы взглянула, потому что глаза как были, так и остались без малейшего выражения, просто повернула лицо в его сторону и заговорила тем же низким, грудным, чувственным голосом:

— Пятью пять — двадцать пять, всё спокойно. А дважды два — четыре, этого мало, мало... Я хотела бы нарвать вам фиалок... А трижды три — двадцать один... Дуй ветер, дуй!.. Любви безмерной положить конец, любовь не знает убыли и тлена, любовь над бурей поднятый маяк, не кукла жалкая в руках у времени... московское время три часа сорок одна... семью семь — сорок один, и всё спокойно...

И снова запела:

Что нет невзгод, а есть одна беда —  
Моей любви лишиться навсегда.

— Ну вот, вы всё видели, — говорит Максим. — Точнее, слышали...

— Вы обращались к психиатру? — интересуюсь я.

— Нет.

— Почему? Не смогли поймать?

— Нет. Он захотел бы забрать ее в больницу, а ей нельзя в больницу.

О, этот бесконечно-однообразный эгоизм родственников!

— Ей, безусловно, нужно полное обследование, постоянный прием лекарств и круглосуточное наблюдение. Проще всего это сделать в специализированном психиатрическом отделении.

— Доктор! Не надо мне рассказывать, что проще всего сделать! Поверьте, я пока в своем уме. И если я говорю, что это невозможно, то так и есть!

Стоит Максиму повысить голос, как Лиза тут же сжимается, обнимает колени и начинает раскачиваться на кровати, монотонно бормоча:

— И я уйду без поцелуя... и я уйду без поцелуя...

Максим бросает на меня сердитый взгляд и говорит тихо:

— Может быть, вы не будете давать пустых советов и что-нибудь сделаете?

— Я очень немного могу сделать. Я не психиатр и вообще не клиницист. Я — чтец, то есть диагност, что-то вроде специалиста по УЗИ. Я не ставлю диагнозов и тем более не назначаю лечения. Я только пишу заключения для специалистов.

Максим молчит. Лиза бормочет, затихая:

— Без поцелуя... без поцелуя... пятью пять, всё спокойно...

— Хорошо, — сдаюсь я. — Расскажите, пожалуйста, как давно это с ней.

— Три дня.

— Расстройство началось неожиданно?



— Я... я не знаю. Я нашел ее три дня назад и привез сюда. Она всё время была такая.

— То есть вы познакомились три дня назад?

— Нет, что вы. Я... не ясно говорю, да? Понимаете, мы женаты уже семь лет. Будет семь... скоро. Мы познакомились в университете, в книжном магазине, представляете? Я ходил на вечерние курсы, язык, собирался ехать за границу, а она преподавала на кафедре. Шекспир... И вообще английская литература.

— Одной из общепризнанных истин является мнение, что каждому одинокому мужчине, который располагает значительным состоянием, совершенно необходима жена, — откликается Лиза.

— В общем, я влюбился, и мы поженились. И всё было хорошо. Поехали к морю... Там были такие чайки — просто звери. Стоило открыть форточку в гостинице, как они влетали и принимались шуровать по вещам. Одна утащила полпалки колбасы. Другая схватила мою мобилку, потом, правда, вернула, в смысле — уронила. Лиза так смеялась! Но потом Лиза... в общем... Детей у нас не получилось, и она увлеклась каким-то восточным учением... или западным. Они говорили, что помогают женщине осознать себя женщиной, подготовиться к материнству. Что-то такое. Я даже был рад сначала: она стала меньше плакать, чаще выходила из дома, снова появился блеск в глазах. А потом однажды она просто ушла... Туда, к ним, в их собрание. Я искал ее три месяца. Потом еще месяц разрабатывал план похищения — они серьезные ребята. Хуже чаек. Привез Лизу, а она уже была... такая... Вот почему нам нельзя в больницу. И я завязал вам глаза, когда вез сюда. Никто не должен знать, что мы здесь. И я вас прошу...

— То есть вы хотите сказать, что первые симптомы появились у вашей жены полгода назад и распад личности быстро прогрессировал?

— Постойте, с чего вы взяли?

— С ваших слов. Вы говорили, что после неудачи с беременностью она много плакала, редко выходила из дома,

потом увлеклась эзотерическим учением, ушла в секту и вернулась оттуда уже такой...

— Но... вы всё так выворачиваете... Да, Лиза горевала, но она была нормальной, уверяю вас, она боролась, старалась справиться... Доктор... по-моему, вы достаточно наговорили. Сделайте уже что-нибудь!

— Ладно, я попробую. Разденьте ее.

3

Я не люблю торопиться. Я всегда начинаю с крестца и продвигаюсь вверх по позвоночному столбу, даже если сразу вижу, что у пациента нет двигательных нарушений. Мне удобно настраиваться на моторных нейронах спинного мозга — они такие симпатичные, как ивы с шаровидной кроной, узлом ветвей и длинным ровным стволом. Я очень люблю настоящие ивы — особенно в мае, когда их маслянистые зеленые листья сверкают на солнце. Но сплетения спинного мозга для меня — красные, а в каждой «корзинке» — месте, где сливаются «ветви» дендритов, — светится огненный рубин, тело нейрона. Однажды на конференции мне удалось поговорить с Тордис Бергсдоттир — чтецом первого поколения, и она рассказывала, что в детстве мать научила ее вязать коврики из ниток, и с тех пор мозг для нее — огромный сложный ковер со множеством переплетений нитей разной толщины и фактуры. Роберт Хикару уверяет, что воспринимает сплетения нейронов, как сплетения джазовых мелодий, но я ему не слишком-то верю, и не потому, что не верю в саму возможность чтения на слух, а потому что он слишком откровенно рисует и рвется в публичные фигуры. А я банальна до невозможности — читаю работу мозга через зрительные образы.

По аксонам бегут толстые и веселые алые искры, и я невольно улыбаюсь — мне приятно, что, по крайней мере, тело пациентки здорово. Об этом я говорю Максиму:

— Что ж, она истощена, у нее гипофункция яичников и, пожалуй, развилась гипофункция щитовидной железы — позже я посмотрю внимательнее. На коже есть несколько

синяков разной степени давности, но все поверхностные и незначительные. Не похоже, чтобы ее били. В общем, соматически она в хорошей форме.

...И вижу, как он выпускает воздух сквозь стиснутые зубы.

Теперь я перехожу к стволу мозга и к черепно-мозговым нервам. Проверяю все двенадцать пар, не надеясь обнаружить патологии — и не обнаруживаю ее. И зрительный, и слуховой, и обонятельный, и вкусовой анализаторы у Лизы сохранены. Выныриваю из золотых сплетений ствола и погружаюсь в искристо-синие «деревья», идущие в мозжечок и Варолиев мост. И здесь впервые замечаю небольшие отклонения. Импульсы, проходящие по нервным волокнам, слишком редкие.

— Как Лиза ходит? — спрашиваю я. — У нее нет нарушений равновесия? Ее не шатает?

— Да, шатает. Мне постоянно приходится ее поддерживать. Что это значит?

— Я не знаю. Возможно, проявление болезни. Возможно, ее держали в тесном помещении в темноте и относительной неподвижности. Возможно, она принимала какие-то препараты. Если бы мы могли взять кровь на анализ...

— Продолжайте обследование, доктор, — прерывает меня Максим.

Я ухожу глубоко под кору больших полушарий в средний мозг и ретикулярную формацию, просматриваю изумрудные вегетативные ядра и проводящие пучки и снова обнаруживаю незначительное общее угнетение активности. Осматриваю вытянутый бледно светящийся сапфир — гипофиз. Так и есть — угнетение функции щитовидной железы и — смотрю нейрогипофиз — яичников. Центрального генеза. Это действительно похоже на действие каких-то препаратов, но поскольку Максим ясно дал мне понять, что анализов не будет, бесполезно высказывать предположения. Хотя...

— Максим, а что, собственно, случилось с беременностью Лизы? Был выкидыш?

— Нет, до беременности так и не дошло. Я не знаю, не разбираюсь в этом.

Нет так нет.

Теперь — холодный изумрудный блеск гипоталамуса. Здесь я очень внимательна, памятуя о депрессивных настроениях Лизы. Я осматриваю его ядро за ядром, пучок за пучком, добираюсь до отдельных синапсов и действительно обнаруживаю пониженный уровень серотонина в синапсах, а также снижение числа дофаминовых рецепторов. Да, Лиза генетически склонна к депрессии, и, несомненно, у нее недавно была депрессия. К сожалению, недостаточно сильная для того, чтобы обратить на себя внимание, и недостаточно сильная для того, чтобы уберечь ее от саморазрушающего поведения. Но это никак не объясняет, почему бывшая профессор университета угощает любимого мужа виногретом из Шекспира и таблицы умножения. Придется смотреть кору.

4

Я последовательно просматриваю моторные зоны, осязательные, зрительные и слуховые поля, речевой центр Вернике, ассоциативные слуховые зоны, двигательный речевой центр. Обычно такой осмотр напоминает путешествие в большой индустриальный город. Сначала идут предместья, куда вынесены заводы и фабрики, затем начинаются городские кварталы, пронизанные дорогами различного значения — местными, связывающими квартал с соседним, и магистральными, ведущими к центру города или к загородным районам. На этих дорогах царит оживленное и одновременно упорядоченное движение. Электрические сигналы бегут от нейрона к нейрону, от звездчатых клеток к пирамидальным, от них — к гигантским пирамидам продолговатого мозга, расходятся по ассоциативным и комиссуральным волокнам, формируя мысли, образы, воспоминания.

На этот раз я словно попадаю в город Дрезден после сокрушительной бомбежки. Заводы в предместьях, то есть основные рефлексy, сохранены (вот почему Лиза реагирует на голос и сама говорит), а вот зоны распознавания зрительных образов и речи представляют собой

пылающие развалины. Импульсы то теряются в синапсах, то, наоборот, — практически не затихают. Лиза не только не узнает всех, кто ее окружает, не только не понимает, о чем говорит, но, похоже, вообще утратила представление о том, что значит «узнавать» и «понимать». Это не разбалансировка под действием препаратов, не очаговая патологическая активность — это тотальное разрушение!

Я стискиваю зубы и «ныряю» в лимбическую систему — своего рода даунтаун головного мозга, туда, где «живут» эмоции и мотивации. Мне не хочется «открывать глаза», я заранее боюсь того, что увижу. И я не ошиблась. Снова передо мной горящие руины. Где-то еще можно различить обломки былых структур, своего рода острова, или сохранившиеся стены, которые только подчеркивают царящий вокруг хаос. Бесплезно разыскивать «выживших» — здесь ничто не могло выжить. Лишь отдельные нейроны вспыхивают, гаснут и снова вспыхивают, как поваленные и тлеющие деревья.

5

Лиза снова заводит:

Меня желал, пока не смял,  
Хотел женой назвать...

А я все сижу рядом с ней на кровати, не поворачиваясь, не поднимая головы, и думаю: как мне сказать Максиму, что перед ним — не его жена и вообще не совсем человек, а помесь зомби с магнитофоном, существо без воспоминаний, без мыслей, практически без сознания. И что я не понимаю, как ей можно помочь и каким образом это с ней сделали. Но что-то говорить надо.

На секунду мне приходит в голову безумная фантазия: что если я повернусь к Максиму и запою:

В День святого Валентина,  
На рассвете дня,  
Ты своею Валентиной  
Выбери меня!

То-то он удивится! И наверняка не будет больше задавать никаких вопросов!

Однако вместо этого я говорю:

— Максим, у меня плохие новости. Лизе действительно необходима госпитализация. У нее тяжелые нарушения работы головного мозга.

— Какие именно нарушения? — строго спрашивает Максим.

— Грубо говоря, у нее перепутаны все электрические импульсы в коре. Поэтому она... так странно ведет себя. Существует специальная терапия...

(Я вру, мне нужно сказать: «Кора разрушена» — так гораздо проще и ближе к истине, но смелости не хватает.)

— Электрошок?

— Нет, препараты, улучшающие кровообращение в мозге. Может быть, нейропластика...

(Нейропластика в таких объемах? Да вы оптимистка средней степени дебильности, деточка.)

— Всё равно это слишком опасно. По крайней мере сейчас. Я не хочу, чтобы о Лизе кто-то узнал. Вы помните? Вы обещали молчать.

Я не спорю, потому что совсем не уверена в успехе. Мне никогда прежде не приходилось видеть столь тяжелые повреждения.

— Спасибо вам, доктор, — тон Максима сух и официален. — Вы нам очень помогли. Теперь я по крайней мере понимаю, что происходит. Две тысячи за консультацию вас устроит?

— Устроит. Но я хотела бы попросить: у вас остались какие-то материалы по этой секте?

— Зачем это вам?

— Я хочу понять, как с Лизой произошло то, что произошло.

— Не стоит. Говорю вам: эти люди опасны.

— Я не буду попадаться им на глаза. Только соберу информацию, которая доступна всем. Поймите, работа мозга — это моя работа, моя специальность... И в этой области